

СТРАДАНИЯ «ЗАВЕЩАННОГО СЛОВА»

«**Г**лухая слава Платонова становится звонкой, всероссийской, всемирной. Новое время принимает Платонова с радостной благодарностью», — писал в 1967 году Борис Слуцкий. И далее в той же статье: «Сейчас приходит время Платонова».

В этих словах, как мы все сейчас понимаем, было больше надежды, чем уверенности. Во всяком случае, еще двадцать лет «не запрещенное циркулярно, но и не разрешенное вполне» (Чехов) творчество Платонова представляло серьезную издательскую проблему.

В сознании издателей и литературных чиновников прочно укрепилась репутация Платонова как писателя «неблагополучного по части идеологии». Понадобились серьезные — в государственном масштабе — перемены, чтобы увидело свет на родине писателя «большое рукописное наследие» (Краткая литературная энциклопедия) — роман «Чевенгур», повести «Котлован» и «Ювенильное море», пьесы, а также малодоступные широкому читателю рассказ «Усомнившийся Макар» (1929), «бедняцкая хроника» «Впрок» (1931) и другие.

Появление «нового» Платонова ставит со всей остротой вопрос об уровне издательской обеспеченности читательского интереса к писателю. Ведь если вспомнить платоновскую метафору, «чтобы завещанное... слово не убывало, не утрачивалось в своей глубине и ценности, а возрастало, умноженное на понимание миллионов читателей», надо это слово до читателя донести — донести бережно, не суесться. Похоже, на смену проблеме что издавать пришла проблема как издавать. Поясним.

Во-первых, существует объективно непростая ситуация с унификацией платоновских текстов. Исследовательская, текстологическая работа по установлению основного текста многих произведений Платонова только начата. Некоторые из них еще при жизни писателя выходили с разночтениями: в одних случаях можно предположить различные авторские редакции, в других — налицо цензурное вмешательство, которое увеличилось в посмертных изданиях. Недостаточно изучено рукописное наследие писателя, хранящееся в ЦГАЛИ и в семейном архиве (голландский ученый Т. Лангерак высказал резонное предположение, что авторизованные машинописи могут быть обнаружены в архивах журналов и издательств).

Публикаторы, как правило, опираются и ли на ЦГАЛИ, и ли на семейный архив, тогда как для принятия научного, аргументированного решения, какой текст считать каноническим, нужно привлекать все источники. Пока в нашей стране мы располагаем единственным изданием, снабженным текстологическими примечаниями. Это «Избранные произведения в двух томах» (М. «Художественная литература». 1978. Составитель М. А. Платонова. Вступительная статья и комментарии Е. А. Краснощековой. Текстолог М. Н. Сотскова). При всей неоспоримой ценности двухтомника многие текстологические решения, как отмечали и наши и западные исследователи, там довольно спорны. И прежде всего потому, что работа с рукописями велась в основном только по семейному архиву. Есть в текстах двухтомника и купюры, обусловленные цензурными претензиями тех лет. Но когда мы говорим, что Платонова (как и любого другого писателя) надо издавать хорошо, то речь идет не всегда о трудноразрешимых текстологических проблемах. Хорошо — это значит, что тексты даются по надежному источнику и читатель знает — по какому; хорошо — это без ошибок в справочном аппарате; словом, хорошо — это культурно, со знанием дела.

Итак, Андрей Платонов, «Государственный житель. Проза. Ранние сочинения. Письма». Составитель М. А. Платонова. Вступительная статья и комментарии В. А. Чалмаева (М. «Советский писатель». 1988).

Сначала о составе книги. Проза представлена с учетом сегодняшней издательской конъюнктуры (из «нового» Платонова не вошел только роман «Чевенгур») и достаточно репрезентативно по отношению ко всему творчеству. Наряду с «классикой» («Сокровенный человек», «Джан», «Река Потудань», «Возвращение» и другие) включены рассказы, которые переиздавались нечасто: «Государственный житель», «По небу полуночи», «Луговые мастера».

Два раздела, вобравшие в себя раннюю публицистику, письма и отрывки из записных книжек, вызывают уже некоторые сомнения. Так, уже третий раз перепечатываются одни и те же отрывки из записных книжек (здесь они идентичны соответ-

ствующей публикации в трехтомнике (М. «Советская Россия», 1984—1985), хотя автор примечаний к сборнику «Государственный житель», он же и составитель и комментатор трехтомника, В. А. Чалмаев сообщает на странице 588, что «записные книжки «Труд есть совесть»... никогда не входили в прижизненные и посмертные издания писателя»).

Записные книжки Платонова, расшифрованные журналистом Г. Елиным при активном участии вдовы писателя М. А. Платоновой (см. «Литературная Россия», 1982, № 1), опубликованы лишь в небольших извлечениях. По свидетельству того же Г. Елина, это — обширный «дневник, по которому можно проследить, как возникал и формировался тот или иной замысел, отбирались детали и речевые характеристики, как шел сам процесс работы». Если учесть, что творческая лаборатория писателя совершенно не изучена, вопрос дальнейшей публикации записных книжек представляется едва ли не первостепенным для современного платоноведения.

Эпистолярное наследие тоже дается в уже известных нам извлечениях: в 1975 году в журнале «Волга» (№ 9) была опубликована подборка «...Живя главной жизнью (А. Платонов в письмах к жене, документах и очерках)». Фрагменты из нее вошли в воронежский сборник — А. П. Платонов, «Повести. Рассказы. Из писем» (1982). В книге «Государственный житель» публикация «...Живя главной жизнью» воспроизводится полностью по журналу «Волга» (хотя комментатор почему-то утверждает, что по воронежскому сборнику, то есть фрагментарно). Это действительно очень интересный и важный материал к биографии Платонова, он стимулирует интерес к сокровенной части платоновского архива. У составителя был хороший повод продолжить знакомство читателя с еще одним неизвестным Платоновым (ряд писем хранится в ЦГАЛИ в разных фондах).

Четыре переиздания статей из старых воронежских газет безусловно представляют интерес, хотя в сочинениях этого периода есть гораздо ближе примыкающие (идейно, тематически) к опорным произведениям этого сборника — «Котловану», «Ювенильному морю», «Усомнившемуся Макару». Таков, например, фельетон «Душа человека — неприличное животное», опубликованный в те же 20-е годы в газете «Огни», в котором уже тогда содержалось очень важное для зрелого Платонова противопоставление народа и «официальных революционеров».

Два текста — «О любви» и «Свет и социализм» — впервые вводятся в обиход, и здесь уже приходится говорить о культуре подачи архивного материала. Оба сочинения, хранящиеся в ЦГАЛИ в фонде Платонова, не датированы, не вполне ясна и степень их завершенности. В комментариях необходимо было это оговорить.

И напоследок — небольшое, но серьезное недоумение: единственная переиздававшаяся в 80-е годы статья «Но одна душа у человека» дана с труднообъяснимой купюрой.

До сих пор шла речь о вещах, обычных в издательской практике, которые можно спокойно обсуждать уже по выходе книги. Вступительная статья и комментарии, увы, понуждают перевести разговор в несколько иную плоскость.

...Например, по каким источникам печатаются тексты в сборнике «Государственный житель»? В преамбуле к комментариям значится, что «в данном издании читатель выходит напрямую к Платонову», выходит, по выражению М. М. Бахтина, «в самую сердцевину, в самую глубину человека». Этот принцип (!) определил и принципы размещения произведений, с одной стороны, в жанрово-хронологическом порядке, с другой — в порядке, способствующем полному пониманию личности художника и предыстории его «нечаянного» и вечного совершенства». Принципов — если это принципы — немало, а вот необходимой информации явно недостаточно.

Но, может быть, в примечаниях к каждому произведению мы найдем искомое? Увы, здесь сообщается лишь о месте и дате первой публикации (исключение сделано только для рассказа «Государственный житель», видимо, потому, что он «занимает особое место в сатире А. П. Платонова», за что, так сказать, и поощрен).

Значит ли это (мы вступаем на путь догадок), что все тексты воспроизводятся по первым публикациям? Конечно, нет! Это было бы весьма ответственное решение, требующее серьезной аргументации. Естественно, что «новый» Платонов («Котлован», «Ювенильное море») дан по единственным пока опубликованным в СССР вариантам, и это правомерно. Восемь «старых» произведений, судя по всему, печатаются по двухтомнику 1978 года (с восстановленной купюрой в «Сокровенном человеке»), который ни разу комментатором не упоминается. Рассказ «Усомнившийся

Макар» — по недавней перепечатке в журнале «Литературная учеба» (1987, № 4) с восстановленной там купюрой, «Впрок» — по прижизненной публикации («Красная новь», 1931, № 3). Отсутствие необходимых сведений вводит читателя в заблуждение, особенно в тех случаях, когда тексты первых публикаций и тех, на которые опирается составитель, существенно различаются. Яркий пример — повесть «Джан». Известны два ее варианта. Один — первая публикация в журнале «Простор» (1964, № 9), другой — в двухтомнике 1978 года. В первом варианте — сравнительно со вторым — отсутствуют завершающие главки 17, 18, 19, 20 (есть разночтения и внутри текста). Это дало основание многим исследователям считать «Джан»-64 сокращенным вариантом «Джан»-78 (есть и другие мнения). Когда в примечаниях единственным источником полного текста указывается журнал «Простор» с пояснением, что текст там дан «в сокращенном виде», то возникает недоумение: либо в книге этот неполный вариант и напечатан, либо впервые повесть напечатана полностью.

Справочный аппарат к этой книге вообще неряшлив. Так, на страницах 597 и 601 по-разному датируется рассказ «Мусорный ветер»; то же происходит на страницах 597 и 605 с рассказом «По небу полуночи»; читатель отсылается к № 9 журнала «Красная новь», в котором никогда не печаталась хроника «Впрок», а в № 7 журнала «Простор» за 1968 год не было статьи Л. Аннинского о «Джан». Почти все упоминания романа «Чевенгур» сопровождаются датировкой, только вот беда — каждый раз новой. Герой «Котлована» инженер Прушевский на странице 594 преобразается в Петрушевского, да и с именами других героев происходят странные метаморфозы. Тут и Ганнушкин Макар, в подлинной фамилии которого «усомнились» через шестьдесят лет, и Николай Эдуардович Вермо (у Платонова — Эдвардович; тут же и поясняется, что это «намек сразу и на великого мечтателя из Калуги...»).

Ну, допустим, читатель догадается, что Петрушевский и Прушевский одно лицо, отыщет в «Просторе» нужную статью Л. Аннинского (1968, № 1), поймет, что вряд ли статья «Но одна душа у человека» печаталась дважды в одном и том же органе «Воронежская коммуна» — 17 июля и 17 июня. Заинтересовавшись редкой давней книгой В. Б. Шкловского «Третья фабрика», сам найдет главы, в которых говорится о Платонове, а заодно и выправит страницы, к которым отсылает комментатор, по первоисточнику и... И засомневается: действительно ли «суждения Платонова» о деревне, которые В. Б. Шкловский пересказал «на своем, тоже весьма парадоксальном языке», принадлежат Платонову? Или все-таки самому Шкловскому? Рассказ В. Б. Шкловского о встречах в воронежских степях с губернским мелиоратором Платоновым начинается позже, уже после этих «суждений», и мы можем только предполагать, в какой мере размышления Шкловского о деревне навеяны общением с «товарищем Платоновым».

На странице 590 нас ждет воистину сюрприз. Рассказывая о «необоснованной, крайне пристрастной критике («Усомнившегося Макара». — Е. Ш.), не учитывавшей ни былого пути писателя-революционера (а если без революционных заслуг, то, значит, можно и необоснованно и пристрастно? — Е. Ш.), ни особенностей его языка», В. А. Чалмаев сетует, что даже Ф. М. Левин, «в будущем искренний друг и заступник Платонова», поддался общей разносной волне и вдруг оценил «Епифанские шлюзы» как «классический образец литературной нейтральности, прекрасный пример ухода писателя от революционной эпохи». Курьез в том, что рецензию, из которой взята цитата («Резец», 1930, № 7; у В. А. Чалмаева — № 1), написал не «друг и заступник», а его однофамилец Л. И. Левин, тогда совсем молодой, начинающий критик.

Справедливости ради отметим, что комментатора, видимо, ввела в заблуждение ошибка его предшественницы Л. Ивановой, автора статьи «Творчество А. Платонова в оценке советской критики 20—30-х годов» (сборник «Творчество Платонова». Воронеж. 1970). Именно там эта цитата отдается Ф. М. Левину.

К сожалению, нельзя не отметить и весьма вольное обращение В. А. Чалмаева с работами коллег. Примечания к «Котловану» начинаются полемикой с теми исследователями, которые в ряде статей и публичных заявлений писателя 1934—1937 годов видели попытку «объясниться» с критикой, уступку обстоятельствам.

«Сейчас (после выхода «Котлована». — Е. Ш.), — поясняет В. Чалмаев, — впервые, может быть, становится понятным вовсе не вынужденный, не отступнический смысл признания Платонова в анкете... 1934 года: «Литературное направление, в котором я работаю, оценивается как сатирическое. Субъективно же я не чувствую, что я сатирик, и в будущей работе не сохраню сатирических черт...» Капитуляции после «Усо-

мнившегося Макара» и волны критических разносов, как сейчас показывает «Котлован», не было... Наоборот, он, работая всецело для себя, «в стол», окончательно становился похож „на самого себя“».

Жестко отделяя повесть «Котлован» от предшествующих «сатирических» произведений («Андрей Платонов сейчас — удивительный мастер социально-философских, гуманистических «утопий-предупреждений», сложных „фантазий-тревог“ и даже... «русский Г. Уэлс»), Чалмаев в защитительном своем пафосе как-то совсем выпустил из виду год, когда Платонов отвечал на вышеозначенную анкету. 1934 год — это значит после издательской неудачи с «Чевенгуром» (1929; набор был рассыпан), после того, как «Котлован» был написан и обречен на лежание «в столе» (1930), после разгрома, учиненного «Впрок» (1931). Иными словами, в ситуации, когда «рукописи горели» — главные вещи были заблокированы, а звание сатирика влекло за собой выводы весьма угрожающего свойства. Не отсюда ли и состояние безысходности, которое вылилось в слова, завершающие произвольно оборванную Чалмаевым цитату: «В последние годы мне удалось выбраться из тяготения тех ошибочных произведений, которые я написал».

При этом спор Чалмаева с Л. А. Шубиным — именно ему принадлежит мысль об «отступлении» писателя — опирается на странное предположение, что исследователь просто не знал о «Котловане», а посему и позволил себе непродуманные выводы. Трудно поверить, что Л. А. Шубин (комментатор почти всюду пишет Л. И.) судил о «Котловане» только понаслышке: опальная повесть упоминается и цитируется им еще в статье 1967 года.

Кажется, уже снято табу с упоминания работ зарубежных исследователей. Слава богу. Думается, взаимные усилия и наших и «не наших» ученых и критиков, прямые контакты дадут неизмеримо больше, чем «фигура умолчания», зачастую ведущая к провинциализму мышления. Тем более пока мы решали уравнение со многими известными: печатать или не печатать тот же «Котлован» и прочие неудобные произведения нашего соотечественника, — «там» было опубликовано почти все. И на основе знания полного Платонова написано и издано немало интересных работ.

В. А. Чалмаев в предисловии упоминает статью Е. Толстой-Сегал «„Стихийные силы“: Платонов и Пильняк (1928—1929)» (год издания статьи указан неверно). Спорит с ней, правда, скороговоркой, скорее упрекая и выговаривая («...даже весьма квалифицированные ученые... навязывают роль... Так, увы, поступает и...»). Отводя теме «Платонов и Пильняк» в комментариях немало места, В. Чалмаев пишет: «Судя по разрозненным скудным материалам, Бор. Пильняк и Андрей Платонов создают в соавторстве не только «Че-Че-О», но и пьесу «Дураки на периферии»...» Поясним: сведения о пьесе «Дураки на периферии» (текст ее, к сожалению, утерян) можно получить из вполне доступного источника: это библиографический указатель «Русские советские писатели-прозаики» (М. «Книга». 1972, т. 7, ч. 2, стр. 43). Описание истории создания пьесы содержится в статье Т. Лангерака «Андрей Платонов во второй половине двадцатых годов (Опыт творческой биографии)», часть I (Russian Literature. XXI. 1987, стр. 170—171).

В. А. Чалмаев — автор двух книг о Платонове и немало сделал для популяризации его творчества. Но приблизительность информации, неточность сведений, непродуманность формулировок создают ситуацию, щепетильную для специалиста, и ведут зачастую к курьезам.

Вот В. А. Чалмаев приводит свидетельства о молодом Платонове его воронежских друзей. Сноска на странице 13: «Отрывки из затерянных очерков П. Бобылева и Мих. Бахметьева публикуются нами впервые». Естественно, вопрос: где они «затеряны»? Ну, положим, с Бобылевым более или менее ясно: заглянем на страницу 11 и, вычислив, что Б. Бобылев и П. Бобылев — одно лицо (а вдруг братья или однофамильцы?), пойдем, что очерк обнаружен В. А. Чалмаевым в «Воронежской коммуны» от 25 октября 1922 года (стало быть, опубликован он уже был). Но где же «затерян» очерк Мих. Бахметьева? Тоже в одной из старых газет («...над ними воистину довлеет злоба дня сего»)? Или в чем-то домашнем архиве?

А теперь вернемся ненадолго к началу. Статья «Но одна душа у человека», как уже говорилось, дана в томе с купюрой. Напомним читателю: речь идет о рецензии 1920 года на спектакль воронежского театра по роману Ф. М. Достоевского «Идиот» — и восстановим текст:

«Достоевский поэтому ничтожнейший из существ, ибо бессилён родиться, выйти из состояния хаоса для жизни или смерти — быть Мышкиным или Рогожиным. Он ни то ни се — самый страшный и истинный сатана, противник себя, неуверенный дух».

Понять, что же так напугало издателей в этих словах двадцатилетнего Платонова, несложно: наш исконный страх за читателя — «не поймет» и за писателя — «предстанет в ложном свете». Еще бы: Достоевский — классик и Платонов — уже почти классик. А классики у нас должны дружить, а не ссориться. Если же всерьез, то нужна была, конечно, не купюра, а реальный комментарий. Благо есть обширный материал в статьях Платонова 20—30-х годов, позволяющий проследить динамику его размышлений о писателе, к которому он всю жизнь испытывал раздражающе двойственное чувство.

Можно ли сказать, что эта купюра — реликт вчерашнего сознания? Думаю, все гораздо проще. Текст перепечатан из третьего тома собрания сочинений 1984—1985 годов (а не из «Литературного обозрения», 1981, № 9, как сообщается в примечаниях, где он дан полностью). При подготовке книги «Государственный житель» никто — ни составитель, ни комментатор, ни редактор — не обратил внимания на скорбные скобки и отточия в этом тексте. Кстати, многие ошибки в датах, инициалах и т. д. пришли все из того же трехтомника.

Вообще такое впечатление, что, широко используя собственные примечания из трехтомника, В. А. Чалмаев совершенно не пересмотрел их применительно к новому изданию. Точно так же довольно обширный комментарий В. Васильева к публикации «...Живя главной жизнью» в журнале «Волга» перенесен в книгу «Государственный житель» полностью, хотя автор комментария почему-то не назван. Нехорошо это, конечно. Но не о том сейчас речь. В. Васильев писал свои примечания в 1975 году. Время идет, если не сказать — бежит. Обратимся к сноске на странице 571:

«Л. К. Рамзин (1887—1948) — один из руководителей Промпартии, нелегальной контрреволюционной организации, действовавшей в СССР в 1925—1930 годах с целью свержения диктатуры пролетариата и реставрации капитализма. В октябре 1930 года Л. К. Рамзин был осужден по делу Промпартии, в дальнейшем искупил свою вину перед Советским государством, выполнив ряд ценных для народного хозяйства исследований».

Уместно ли в книге, которая готовилась к изданию в 1987 году, повторить огульные формулировки прошлых лет? Тем более что в печати уже высказывались компетентные суждения о политическом контексте дела Промпартии (см., например, выступление В. П. Данилова в газете «Московские новости», 1986, 16 августа, стр. 12).

И. Борисова справедливо заметила («Правда», 1988, 9 мая): «Современное возвращение Андрея Платонова — это не столько восстановление оборвавшихся связей его с читателем, сколько новостройка». Дело издателей и литературоведов отнести к этому новому зданию с уважением и бережностью, ибо — вспомним снова замечательные слова — «единственная слава, единственная истинная честь для всякого большого художника заключается в том, чтобы завещанное им слово не убывало».

Е. ШУБИНА.